

ЮЛИЯ ПОДРОГА

Что значит мыслить с точки зрения длительности?

К логике философской аргументации у Бергсона

Когда мы говорим о понятии длительности у Бергсона, мы склонны рассматривать его как знак или указание, отсылающее к общему контексту, внутри которого это понятие рождается, — т. е. к метафизической проблеме времени. Предметная область, охватываемая понятием «длительность», выделяется затем изнутри этого контекста как время индивидуальное и переживаемое, внутреннее и субъективное и противопоставляется времени хронологическому и линейному, времени мира. В «Опыте о непосредственных данных сознания», представляя идею длительности, Бергсон прилагает все свои усилия для выделения и описания такого опыта внутреннего или «чистого» времени. Но речь идет не только и не столько о понятийном ограничении длительности как нового мыслительного объекта, противостоящего пространственному образу времени. Первостепенной задачей Бергсона является удержание этого опыта, его продление, т. е. собственно введение в опыт длительности как в *длительный* или продленный *опыт*. Иными словами, длительность есть обозначение опыта, и прежде всего опыта мысли, а значит, любой опыт — и в этом состоит один из принципиальнейших моментов теории Бергсона — есть некая продолженность или длительность, он разворачивается в непрерывном времени.

Приведем цитату. В знаменитом и, фактически, единственном развернутом определении длительности Бергсон представляет это понятие как условие, при котором становится возможным *непрерывное* разворачивание наших «состояний сознания». Длительность характеризует Бергсоном как «форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше „я“ просто живет, когда оно

не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали...»¹. Речь идет о некоей спонтанной конфигурации нашего сознания, о естественном соположении его элементов, т. е., по сути, о его изначальной способности к самоорганизации — в том случае, когда «наше „я“ просто живет» или, скорее, когда оно позволяет себе жить, дает себе волю, если переводить дословно с французского («*se laisse vivre*»). В таком случае переход между состояниями сознания происходит фактически спонтанно, они сменяют друг друга внутри непрерывного становления нашего «я». Но продолжим цитирование. Тотчас же Бергсон пытается объяснить то, каким образом необходимо поддерживать эту непрерывность: «...для этого оно [наше «я»] не должно всецело погружаться в испытываемое ощущение или идею, <...> оно также не должно забывать предшествовавших состояний: достаточно, чтобы, вспоминая эти состояния, оно не помещало их рядом с наличным состоянием, наподобие точек в пространстве, но организовывало бы их, как бывает тогда, когда мы вспоминаем ноты какой-нибудь мелодии, как бы слившиеся вместе»². Речь, действительно, идет о форме, о некоторой тотальности, где предшествующие и актуальные моменты сознания, не просто соприкасаясь, но взаимопроникая, составляют одно целое. В этом фрагменте определения Бергсону важно акцентировать непрерывность перехода от одного состояния к другому и, главное, изначальную данность этой непрерывности в жизни нашего сознания. Он стремится продумать такую ситуацию, в которой бы исключалась возможность остановки или прерывания внутри перехода от одних состояний сознания к другим, поскольку любое прерывание ведет к опространствливанию длительности. Как только мы перестаем удерживать чистую форму времени, мы сразу же и автоматически, вследствие спада напряжения, оказываемся внутри пространства³; т. е. временной порядок непрерывной последовательности тут же замещается или вытесняется порядком пространственным. Таким образом, это определение или описание в меньшей степени говорит нам о том, что такое длительность сама по себе, но, скорее, привлекает наше внимание к той ситуации, или к тем условиям, какие делают возможным переживание длительности нашего сознания. Аналогия с музыкальной фразой, с мелодией, которую мы воспринимаем, связывая между собой все ее ноты, дает нам пример такого переживания. По мнению Бергсона, этого сравнения достаточно для того, чтобы «постичь (*concevoir*)

¹ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 93.

² Там же.

³ Идея превращения времени в пространство путем ослабления напряжения, не тематизированная в «Опыте», приобретет отчетливую форму в «Творческой эволюции», где генезис материи будет объяснен Бергсоном как окончание творческого, формообразующего усилия. Материя, таким образом, интерпретируется как инверсия жизненного порыва.

последовательность без различения (*succession sans la distinction*)). Оно дает нам основание для вынесения предварительного суждения о характере чистой временности: «...ее можно понять как взаимопроникновение, общность, как внутреннюю организацию элементов, каждый из которых представляет целое и отделяется от него только актом мышления, способного абстрагировать»⁴. Непрерывность, свойственная длительности нашего сознания, есть «последовательность без различения», все ее множественные элементы связаны между собой. Но опять же, говоря о возможности «постижения» такой идеи, Бергсон не ставит на этом точку. Необходимость совершить новый «виток» аргументации заставляет его опять обратиться к примерам, а точнее, он предлагает нам совершить мыслительный эксперимент. Идея последовательности без различения доступна существу — и здесь мы должны сами попытаться представить себе такое существо, — «одновременно тождественному и меняющемуся, которое не имело бы никакого понятия о пространстве».

Здесь порядок рассуждения обращается: если мы перестаем удерживать моменты времени друг подле друга, организовывая их между собой, мы тут же переносимся в пространство, если же мы изначально предположим, что лишены представления о пространстве, не способны абстрагировать, то мы непосредственно оказываемся в области действия чистого времени.

Однако поскольку именно пространственное представление является доминирующей формой восприятия, мы обычно переводим наш временной опыт в пространственный регистр, растягиваем вдоль линии, упорядочивающей его согласно принципу «предыдущего и последующего», отказываемся, по сути, от временного опыта в пользу его пространственного эквивалента: а именно, подменяем опыт как таковой его *выражением*. Если опыт, испытываемый нами во времени, является для нас непрерывностью взаимопроникновения временных моментов, слитной последовательностью, говорит также Бергсон, попытка его осмыслить и представить приводит к пространственному изображению — чаще всего при помощи фигуры линии. Однако «постижение», о котором говорит Бергсон, не исчерпывается пространственным представлением: скорее, он понимает под этим нечто совсем другое. Бергсон предлагает нам *участвовать* в опыте, следуя экспериментальной форме мышления. Такое мышление должно, по мнению Бергсона, обладать несомненной доказательной ценностью: для того, «чтобы придать [всей предыдущей] аргументации более строгую форму», он предлагает нам осуществить еще более сложный мыслительный эксперимент. Мы должны представить себе «бесконечную прямую линию, а на ней — движущуюся материальную точку А». «Если бы эта точка себя осознавала, — продолжает Бергсон, — она чувствовала бы, что она меняется, ибо дви-

⁴ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. С. 93.

жется: она воспринимала бы некоторую последовательность; но приобрела ли бы для нее эта последовательность форму линии? Несомненно, да, но при условии, что она способна как бы подняться над пробегаемой линией и одновременно воспринять несколько находящихся рядом точек: но тем самым она уже создала бы идею пространства и развернула бы испытываемые ею изменения в пространстве, а не в чистой длительности»⁵.

Обратим внимание: Бергсон выбирает фигуру, если можно так сказать, наименее пространственную, не обладающую ни объемом, ни протяженностью. Кроме того, он наделяет ее сознанием, одновременно лишая идеи пространства: «...если наша сознательная точка А еще не имеет идеи пространства, — что мы, собственно, и должны предположить, — то последовательность состояний, через которые она проходит, никогда не сможет принять для нее форму линии; зато ее ощущения будут динамически присоединяться друг к другу, будут организовываться, как последовательные ноты убаюкивающей нас мелодии». Однако, как видно из второй части цитаты, Бергсон не идет дальше в интерпретации образа точки, но возвращается к уже использованной им выше метафоре — сравнению с музыкальной фразой. Удивительным образом, он сам упускает дальнейшие следствия, которыми чреват этот пример. Различая точку и линию в пространстве (изначально разделяя их), он как будто бы забывает, что сама точка, являясь элементарной геометрической единицей, и создает в своем движении эту линию. В таком случае аргументация Бергсона получает новое, неожиданное развитие. Если точка А и не может выйти за пределы создаваемой ею линии, ее движение все же продуктивно в двойном смысле: с одной стороны, она чертит линию, с другой, она сама, как включенная теперь в новую фигуру, меняется и перестает быть точкой. Линия, прочерчиваемая и создаваемая точкой, неотделима от самой точки — она принадлежит ей (поскольку наша точка сознательна) как тот путь, который точка проделала и который составляет теперь ее историю. В то же время, поскольку точка все еще движется и необходимо, чтобы она двигалась, она есть точка, как агент движения, и линия, как то, что создается в процессе этого движения.

Опыт длительности тем самым обладает двойственной природой. С одной стороны, речь идет о слиянии гетерогенных моментов, о сохранении интегральной формы сознания, о противостоянии распадению длительности в виде множества разрозненных моментов, а с другой, сама эта форма развивается во времени, каждый новый момент, что к ней прибавляется, а вернее, растворяется в ней, способен изменить конфигурацию целого. В ней виртуально, т. е. имманентным образом, присутствуют два темпорально различных момента: момент «принимающий» (интегральность нашего сознательного «я») и момент

⁵ Там же. С. 94.

«принимаемый» (каждый новый последовательный момент времени). Причем, нельзя сказать, что один из них пассивен, а другой активен. Каждый из них пассивен, поскольку испытывает на себе влияние другого, меняется, и активен — поскольку сам способен изменить целое. Опыт времени — это опыт, прежде всего, творчества. Поэтому сознательная точка, не имея протяжения в пространстве, не обладая и временной плотностью, способна *создать* (из ничего) в своем движении сразу и то и другое.

Мысль должна разместиться «внутри» длительности как движущаяся точка А, встроенная в линию и не имеющая возможности от нее отделиться или отделить ее от самой себя в качестве продукта самого этого движения. Опыт длительности, который мы должны удерживать сразу в его непрерывности и в его изменчивости, есть опыт мышления — то, что Бергсон называет в своих поздних текстах «мышлением с точки зрения длительности»⁶. Такое мышление есть мышление экспериментальное или, скорее, экспериментирующее в той мере, в какой оно не просто обращено на свой объект, но совпадает с ним. При этом оно также постоянно должно возвращаться на себя и схватывать себя в том изменении, какое оно претерпевает под воздействием собственного объекта. Гипотеза с движущейся точкой на линии (мыслительный эксперимент) указывает на диссоциацию внутри самой мысли, на те два изменения, что она постоянно должна учитывать.

Но вернемся к тексту. Надо заметить, что первые две главы «Опыта о непосредственных данных сознания», по замыслу Бергсона, должны служить введением к последней, третьей главе, посвященной анализу и критике проблемы свободы. К решению этой проблемы Бергсон таким образом рассчитывал подойти во всеоружии: именно идея длительности и разработка нового типа мышления должны были снабдить его необходимым критическим инструментарием.

Собственно, доказывать само собой разумеющийся факт Бергсон не собирается: «...каждому из нас присуще непосредственное, „реальное или иллюзорное“, чувство свободной спонтанности»⁷, — заявляет он с самого начала. То, что отличает действительно свободное действие от обычного действия, это его большая укорененность в длительности. За по-настоящему свободным действием стоит предельно сконцентрированный волевой акт. Вот, например, что пишет Бергсон позднее, уже в «Творческой эволюции» (1907), возвращаясь к проблеме свободного

⁶ «Мышление с точки зрения длительности» — не совсем корректный перевод французского «*pensée en durée*», т. е. мышление в или внутри длительности, выражение, которое я здесь имею в виду. Хотя у Бергсона и встречаются другие формулировки, например, он призывает ставить проблемы *в зависимости* (или в отношении) времени, скорее чем пространства, или *в терминах* духа, скорее чем в терминах материи, во всех этих случаях он говорит о некоей доминирующей форме мысли, мыслительной установке, которую можно назвать мышлением «в» длительности.

⁷ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. С. 112.

действия: «...резким усилием наша личность должна сжать саму себя, чтобы мы собрали ускользающее от нас прошлое и толкнули его, плотное и неделимое, в настоящее, которое оно создает, проникая в него». Однако мы очень редко когда бываем способными на такое усилие, и Бергсон продолжает: «Моменты, когда мы до такой степени овладеваем собой, очень редки, они составляют одно целое с нашими подлинно свободными действиями. Но даже и тогда мы не можем удержать себя целиком. Наше ощущение длительности, то есть совпадение нашего я с самим собою, допускает степени»⁸. Здесь Бергсон выступает против тезиса о безоговорочной свободе, выдвигаемого спиритуалистами. Свобода есть продукт определенного усилия, на которое мы решаемся только в самых исключительных случаях. Таким образом, степень свободы зависит от большей или меньшей интегрированности этого действия внутри нашей длительности: «исходит» ли оно из нее или как бы механически отсоединяется. Действительно, свободный акт — это полное обращение длительности на самое себя, полное совпадение субъекта мыслящего и субъекта действующего. Тогда как детерминисты, «анализируя свободный акт, зачастую рассуждают так, как будто бы существовало два „я“: одно, которое чувствует или мыслит, и другое, которое действует»⁹. Свободный акт есть акт, совершенный внутри длительности.

Однако формулировка проблемы представляет сразу же большие сложности. Если длительность кажется нам, в соответствии с этимологией слова и с его употреблением, чем-то растянутым во времени, дрящимся, то свободный акт, напротив, носит точечный, спонтанно-взрывной характер. Свободное решение кажется тем более свободным, чем больший эффект оно производит, чем большая дистанция отделяет момент решения от предыдущего момента. Здесь вступают в свои права привычные схемы пространственного мышления. Вернее, скорее даже не мышления, а того, что Бергсон называет экспликацией. Свободный акт необходимо объяснить, т. е. показать, что делает этот акт возможным. Когда мы обсуждаем какое-либо действие, мы обычно рассматриваем его, либо исходя из неких предпосылок или мотивов, его определяющих, либо же, наоборот, уже имея налицо результат этого действия, и тогда мы оцениваем его как определенный успех или, наоборот, неудачу. Но как в первом случае, когда мы как бы забегаем вперед и предупреждаем этот акт, так и во втором, когда мы проецируем на него постфактум те мотивы, которыми он был движим, и те цели, на достижение которых он был направлен, мы выпадаем из настоящего момента, из того момента, в какой это действие свершается. Как говорит Бергсон, детерминист не способен «искать свободу только в определенном характере принятого решения, т. е. в самом свободном действии», «сознавая, что эта точка зрения ускользает от него, [он] укры-

⁸ Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс. Кучково поле, 1998. С. 205–206.

⁹ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. С. 129.

вается в прошлом или будущем. То он мысленно переносится в прошлое и утверждает необходимость детерминации будущего действия данным моментом, то заранее считает действие совершенным и говорит, что иначе оно и не могло совершиться»¹⁰.

В соответствии с правилами мышления «в» длительности, Бергсон парадоксальным образом должен мыслить акт, действие, как некоторое длящееся событие, длящееся настоящее. Здесь, как и в других случаях, Бергсон использует тот же прием, состоящий в том, чтобы переводить различные формы нашего опыта, опираясь на разнообразные примеры, из пространственного регистра в регистр длительности, т. е. он превращает любой ставший опыт, опыт как результат или определенное знание, в опыт становящийся¹¹. Свободный акт не случается вдруг, спонтанно и непредвиденно, перечеркивая прошлое и закладывая новое будущее, но, согласно красноречивым метафорам Бергсона, «исходит», т. е. эманурует из нашей личности, «выражает ее», имея «то неопределимое сходство с ней, какое мы обнаруживаем порой между художником и его произведением»¹², «отделяется <...> подобно созревшему плоду»¹³.

На примере проблемы свободы воли Бергсон хочет показать неразрывность между субъектом воли и той целью, к какой он обращен, между субъектом и объектом в чистой длительности. Речь не идет о разворачивании некоей доказательной конструкции, в результате которой Бергсон должен прийти к решению той или иной метафизической проблемы, в данном случае — проблемы свободы. Стратегия Бергсона состоит в воспроизведении в мысли определенной опытной ситуации, позволяющей нам заявить со всей определенностью, что мы совершаем свободный акт. Поэтому опыт, о котором идет речь, может описываться и обосновываться только внутри определенных эмпирических ситуаций — на примерах, приводимых Бергсоном. Возьмем один из таких примеров и посмотрим, как именно разворачивается мышление с точки зрения длительности. Этот пример, как и все остальные аналогичные примеры, должен служить прояснению основной мысли Бергсона о том, что «свободу следует искать в особом *оттенке* или качестве самого действия, а не в *отношении* этого действия к тому, что им не является, или к тому, чем оно могло бы быть»¹⁴.

Итак, представим себе, говорит Бергсон, что мы встаем, чтобы открыть окно. Но тут нас что-то отвлекло, и мы вдруг забываем, что заставило нас покинуть наше место. Ассоциационисты скажут, что речь идет о простой ассоциации двух идей: цели, которой нужно достичь,

¹⁰ Там же. С. 125.

¹¹ Немецкий язык хорошо передает это различие при помощи слова *Erfahrung*, в первом случае, и *Erlebnis*, во втором.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 126.

¹⁴ Там же. С. 129. Курсив мой.

и самого движения, которое нужно совершить для достижения этой цели. Но тогда, если в данном случае ассоциация рассыпалась, поскольку мы утратили одну из идей, то почему мы не садимся обратно в кресло, а продолжаем стоять, смутно ощущая, что нам остается еще выполнить какое-то действие? В самом деле, мы утратили направленность и смысл действия, но само наше положение свидетельствует о присутствии некоего внутреннего образа, заступившего на место действия. Образ остался, и в нем как будто чувствуется некоторая предопределенность. Бергсон предлагает изучить этот образ, чтобы обнаружить в нем исчезнувшую идею. «Очевидно, эта идея сообщила внутреннему образу намеренного движения и принятой позы какую-то особую окраску: и нет никакого сомнения, что при другой цели эта окраска тоже была бы иной; тем не менее язык выразил это движение и эту позу по-прежнему»¹⁵. Сама поза есть уже часть движения, и ее «окраска» должна определяться той целью, на осуществление которой действие направлено. «Ассоциативная психология свела бы различие между обоими случаями к тому, что с идеей одного и того же движения ассоциировалась на этот раз идея новой цели: как будто сама новизна цели не вносит новых оттенков в представление о движении, которое надо совершить, даже если это движение остается одним и тем же в пространственном отношении»¹⁶.

Парадоксальным образом, природа и характер действия выявляется в ситуации, когда осуществлению самого действия что-то помешало, и когда сама возможность его выполнения была поставлена под вопрос. Бергсон помещает нас в такую опытную ситуацию, где действие *уже* началось, поскольку первое движение, а именно покидание своего места, уже совершилось, но *еще* не закончилось, поскольку оно вдруг оказалось подвешенным. Именно в ситуации помехи, задержки, отклонения от общего хода вещей и событий (специфического клинамена) и создается возможность мышления с точки зрения длительности. Любой акт, любая мысль, любое усилие творчества и изображения осознается или проявляется только негативным образом — как следствие того препятствия, что мысль или действие встречает на своем пути. Собственно, мы свободны и осознаем нашу свободу, когда забываем цель нашего действия. Забывание есть своеобразное препятствие, позволяющее нам отсоединить само действие как актуальный акт, как то, что с нами происходит в данный момент, от той цели, которая его определяет. Действие всегда носит прагматический характер, оно заинтересовано, Бергсон же предлагает нам помыслить его в самом себе, т.е. вне того чисто практического интереса, какой оно для нас представляет. Тема незаинтересованности выступит наиболее ярким образом в последующих сочинениях Бергсона, особенно в «Материи и памя-

¹⁵ Там же. С. 120.

¹⁶ Там же.

ти», где Бергсон выдвинет теорию чистого, т. е. незаинтересованного восприятия.

Поскольку забывание цели ведет к подвешиванию действия, время растягивается, оно открывается для осознания и для мысли. Мысль здесь встроена в действие, она как бы является его продолжением, она экспериментирует его изнутри, пускай лишь в его подвешенности. Мы можем мыслить в длительности, только замедляя, приостанавливая, растягивая сам мыслимый феномен, т. е. по-настоящему погружая его во время. Только в таком случае мы можем ухватить его как совершающееся, длящееся, становящееся. Действие и мысль здесь одно, поскольку мысль экспериментальна. Она не способна объективировать, она мыслит во времени. Таким образом, мы можем понимать бергсоновскую идею длительности в почти что буквальном смысле — смысле, который доносит до нас сам язык: длиться, удлинять, удерживать непрерывность опыта.

Начиная с «Опыта о непосредственных данных сознания», в философии Бергсона постепенно вырабатывается целый комплекс тезисов или правил, указывающих явным или скрытым образом на то, что такое мыслить с точки зрения длительности. Все они естественным образом связаны, т. е., если мы придерживаемся одного из правил, все остальные вытекают отсюда логическим путем. Итак, необходимо:

- переместиться в область действия понятия «длительность» (где упраздняется понятие пространства) или
- избегать использования понятий/символов, а также процедур экспликации постфактум, полагаясь, скорее, на образы, примеры, метафоры в том, что в них есть конкретного;
- сохранять непрерывность мысли/действия, мыслить в этой непрерывности: это мышление, обращенное на само себя, где субъект и объект суть одно целое и становятся во времени.

Действительно, Бергсон систематически и с завидным постоянством избегает понятийной финализации своих высказываний. Его больше интересует развертывание мысли во времени, чем сведение ее в одну точку, в которой рождается понятие. Философия, отказывающаяся от понятий, систематически избегающая тезисной формы изложения, находит свое основание и обоснование в движении самого мышления. Мыслить с точки зрения длительности — это мыслить вместе с Бергсоном, пытаться понять его философский проект, логику его мысли, и стремясь активировать длительность как сам движущий принцип его мышления.